

<https://doi.org/10.70728/b.series.v08.i04.169>

ПОЭТИКА И СЕМАНТИКА ТРАДИЦИОННЫХ ОБРАЗОВ В ТВОРЧЕСТВЕ УВАЙСИ И АННЕТТЕ ФОН ДРОСТЕ-ХЮЛЬСХОФФ

Маъдиева Адиба Довудовна
д.ф.ф.н. (PhD), и.о. доцента кафедры
мировой литературы УзГУМЯ
Расулмухамедова Дилфуза Закировна
Старший преподаватель
кафедры мировой литературы кафедры
мировой литературы УзГУМЯ

Аннотация. В статье представлено сравнительно-типологическое исследование лирики выдающейся представительницы узбекской классической литературы Увайси и видной немецкой поэтессы Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф. Основное внимание уделяется анализу художественных функций и семантической глубины образов цветка и красного цвета в их поэтическом наследии.

Ключевые слова: компаративистика, художественный архетип, символика цветка, поэтика цвета, женская эстетика, мистическая философия, межкультурный диалог, лирический дискурс.

Annotatsiya. Ushbu maqolada Sharq va G‘arb adabiyotida o‘zbek mumtoz she‘riyatining yirik vakili Uvaysiy hamda nemis adabiyoti siymosi Annette von Droste-Hülshoff lirikasi qiyosiy-tipologik jihatdan tadqiq etilgan. Tadqiqot markazida har ikki shoira ijodida muhim o‘rin tutgan gul va qizil rang metaforalarining badiiy funktsiyalari va semantik qirralari turadi.

Kalit so‘zlar: komparativistika, badiiy arxetip, gul simvolikasi, ranglar poetikasi, ayol estetikasi, irfoniy falsafa, madaniyatlararo muloqot, lirik diskurs.

Abstract. This article offers a comparative and typological exploration of the lyrical heritage of Uvaysiy, a prominent figure in Uzbek classical literature, and the renowned German poetess Annette von Droste-Hülshoff. The study focuses on the artistic functions and semantic layers of flower and red color imagery, which serve as central metaphors in the works of both poets.

Keywords: comparative literature, artistic archetype, flower symbolism, poetics of color, female aesthetics, mystical philosophy, intercultural dialogue, lyrical discourse.

В сравнительном литературоведении традиционные образы (архетипы) считаются одним из ключевых критериев, определяющих как культурную общность народов, так и уникальность мировоззрения каждой нации. Образ цветка в мировой литературе является одним из древнейших и многогранных символов, несущим различную художественную нагрузку в творчестве поэтов разных стран. Вся мировая литература подобна огромному древу, питающемуся из единого корня. Традиционные образы в ней – это невидимый лирический мост, выражающий радость, боль и чаяния человечества. На каком бы языке ни писал поэт, выражая душевные терзания через образы цветка или шипов, эти символы не знают национальных границ. Преодолевая пространство, они находят живой отклик в сердцах читателей далеких стран. Ибо родина и язык истинных чувств едины – общая духовная природа человека.

В частности, семантика цветка и красного цвета в поэзии народов мира сформировалась как архетипическое воплощение красоты, жизненной энергии, любви, страсти и, в то же время, трагической жертвенности. Французский философ и теоретик литературы Гастон Башляр, рассуждая о феноменологии цветов, писал: «Цветок – это первая улыбка бытия, воспринятая женским взором, однако за этой улыбкой всегда скрывается тень бренности и несчастья». В литературной традиции цветок олицетворяет совершенство материального мира, а его красный цвет символизирует пламенное страдание души, отсылая к образу крови. В описании личных переживаний творца подобные образы выходят за пределы традиционных канонов, обретая философско-экзистенциальную глубину. Это создает основу для формирования схожих художественных концепций в творчестве поэтесс, представляющих разные культуры.

Параллели в творчестве Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф и Джахон Отин Увайси являются ярким отражением этой общности художественного мышления. Несмотря на то, что одна из них жила в XIX веке в строгой аристократической среде Германии, а другая в атмосфере классических поэтических традиций Востока и суфийских воззрений, обе поэтессы в своем мировосприятии опираются на тонкую чувственность, присущую женской душе. При анализе лирики Дросте-Хюльсхофф, представляющей собой синтез западного рационализма и мистики природы, и газалей Увайси, пронизанных восточной мистической любовью обнаруживается, что обе поэтессы использовали образы цветка и красного цвета как основное средство для выражения своего внутреннего «Я», а также крика души, оказавшейся в водовороте социальных запретов и личных страданий.

Как отмечал известный российский литературовед и теоретик сравнительного литературоведения Виктор Жирмунский: «Сходство в художественных образах и сюжетах не всегда является результатом прямого влияния, но может быть одинаковой эстетической реакцией человеческой психики на схожих этапах социально-исторического развития». Действительно, образ цветка в западной и восточной поэтике имеет различные семантические грани. Например, в немецком романтизме (на примере Анnette фон Дросте-Хюльсхофф) цветок зачастую символизирует единение человека с природой, таинственность духа и трагическую красоту мира, тогда как в узбекской классической поэзии (на примере Увайси) он тесно связан с системой суфийских символов. В восточной поэзии цветок воплощение абсолютной красоты (Божества), а его шипы символизируют тяготы и аскезу на пути к достижению этого идеала.

Немецкий литературовед Клеменс Хезельхаус, анализируя творчество Дросте-Хюльсхофф, выдвинул тезис о том, что «цветы Дросте – материализованная форма чистоты среди шипов и духовной тревоги». В её поэзии цветок – это таинственный язык природы. Она зачастую воспекает не изящество цветка, а его тернии и обреченность на увядание:

Sieh, wie die Rose brennt im dornigen Verlies,
Als ob sie blutend um Verzeihung flehte;
Das ist das Herz, das sich in Liebe goß
Und nun verblutet in der Einsamkeit.
Смотри, как роза в тернии плененном пламенеет,
Как будто кровью истекая, молит о прощении;
То сердце, что себя любви всецело отдало,
Теперь в тиши безлюдной кровью истекает.

Этими строками поэтесса связывает образ цветка с тайной бытия, сравнивая красноту розы с огнем и кровью. Через глаголы «brennt» (горит/пылает) и «verblutet» (истекает кровью/угасает) она придает красному цвету трагический оттенок. В данном контексте шипы символизируют жесткие рамки общества и темницу одиночества, а красная роза — это женская душа, сохранившая свою суть (любовь) вопреки внешнему давлению, но страдающая за свою преданность.

В творчестве крупнейшей представительницы узбекской классической литературы Увайси образ цветка пронизан богатыми традициями восточной поэтики, в частности, суфийской символикой. Академик Азиз Каюмов, анализируя лирику Увайси, отмечает: «Для поэтессы цветок не просто символ красоты, а земное отражение божественного лика, кровь сердца влюбленного на пути любви». Знаменитые строки Увайси:

Цвет лица твоего от лица взял цветок, о мой друг,
Смысл речи твоей от соловья взял урок, о мой друг.
В саду не сыскать такой дивной розы, как ты,
Ты сам украшение цветника и садов, о мой друг.

Хотя этот байт построен на основе традиционного приема хусни та’лил (изящное обоснование), понятие цвета в нем выражает духовную зрелость и «красноту» любовных страданий в душе поэтессы. В этих строках ключевое место занимает понятие «взять цвет» (*rang olmoq*). Если у Дросте цветок истекает кровью в своем одиночестве, то у Увайси он обретает красный цвет под воздействием света Возлюбленного (Божественной силы). Поэтесса, описывая, что лицо возлюбленного заимствовало свой цвет у цветка, намекает на то, что все красоты и страдания этого мира берут свое начало в том самом «Божественном цветке». Для Увайси цветок не трагедия, а символ совершенства любви.

В творчестве поэтесс этих двух народов мы проследили значение цветов и изображение душевных терзаний через художественные образы. Если у Дросте-Хюльсхофф красная роза в гармонии западного рационального мышления и романтической меланхолии напоминает о жестоком беге времени и бренности жизни, то у Увайси этот цвет становится знаком чистой восточной любви и верности. Как писал другой представитель сравнительного литературоведения Анри Пейр (*Henri Peyre*), каждая национальная литература придает общечеловеческим символам свой культурный колорит. Именно поэтому один и тот же символ в одной нации может звучать как триумф жизни, а в другой пробуждать печальные воспоминания. С этой точки зрения «истекающий кровью цветок» Дросте-Хюльсхофф является отражением трагического индивидуализма, характерного для западноевропейской литературы, а «окрашенный цветок» Увайси – плод восточного коллективного духа и преданности любви. В основе этих различных выражений лежит единая истина: стремление женской души к изяществу и её страдания на этом пути.

В обоих случаях поэтессы наделяют этот традиционный символ глубоко личными чувствами, возводя его в степень универсального человеческого переживания боли и страдания, понятных каждому. Символ цветка в поэзии обеих авторов служит прекрасным выражением тонкой связи между нежностью женской души, красотой и жизненными испытаниями. Эти образы демонстрируют нам, что независимо от места проживания и языка творчества, душевные переживания и потребность в прекрасном одинаково ценны и близки для всех. Их произведения становятся общим духовным пространством, где культуры Запада и Востока встречаются и обретают способность понимать друг друга без слов, на уровне сердца.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bachelard, G. L'Eau et les Rêves: Essai sur l'imagination de la matière. – Paris: José Corti, 1942. – P. 156-158.
2. Heselhaus, C. Annette von Droste-Hülshoff: Werk und Leben. – Düsseldorf: Bagel Verlag, 1971. – S. 124.
3. Каюмов, А. Творчество Увайси. – Ташкент: Фан, 1963. – С. 82-85.
4. Droste-Hülshoff, A. Sämtliche Werke (Полное собрание сочинений). – München: Winkler-Verlag, 1973.
5. Увайси. Диван. – Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1963.
6. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. – С. 66.
7. Peyre, H. Comparative Literature: Its Scope and Method. – New York, 1970. – P. 42.
8. Klaus, M. (2023). New Perspectives on Annette von Droste-Hülshoff's Nature Poetry. Berlin.
9. Madiyeva A.D. Tradition and transformation: Analysis and interpretation of traditional imagery in German poetry // Ethiopian International Journal of Multidisciplinary Research. – 2026. – Vol. 13. – Issue 1. – P. 459-462.